

На правах рукописи

Горчакова Светлана Александровна

**СТАТУС НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ ОТ И. КАНТА ДО М. ФУКО:
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Курск 2013

Работа выполнена на кафедре философии
факультета философии, социологии и культурологии
ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Дьяков Александр Владимирович

Официальные оппоненты: Губин Валерий Дмитриевич, доктор
философских наук, профессор, декан
философского факультета, заведующий
кафедрой зарубежной философии
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»

Воробьев Юрий Лукьянович, доктор
философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
ФГБОУ ВПО «Курская государственная
сельскохозяйственная академия им. И.И. Иванова»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Воронежский
государственный университет»

Защита состоится 1 ноября 2013 г. в 14-00 на заседании
диссертационного совета Д 212.104.05 при ФГБОУ ВПО «Курский
государственный университет» по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева,
д. 33, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО
«Курский государственный университет» по адресу 305000, Курск,
ул. Радищева, д. 33.

Автореферат разослан 30 сентября 2013 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, доцент

Царева Е.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В пространстве современного научного знания науки о человеке обладают приоритетным значением и обретают привилегированное положение благодаря исключительной важности своего объекта. Вырастая из философии подобно другим гуманитарным наукам, одна из этих наук – философская антропология – сохраняет с ней неразрывную связь. Поэтому развитие этой сферы научного знания неразрывно связано с философией и опирается на нее в поиске новых форм и моделей осмысления положения человека в современном мире.

Будучи сравнительно новой областью знания, науки о человеке сложились в тот конкретный исторический момент, когда философия, в которой произошел «коперниканский поворот», сделала основополагающим вопрос о собственных основаниях. Центральным элементом такого фундирующего вопрошания стал человек как трансцендентально-эмпирическая двойственность, чему и обязана своим рождением философская антропология. Таким образом, проблемное поле наук о человеке складывается из трех аспектов. Во-первых, науки о человеке должны находить свой смысл в самом человеческом бытии; во-вторых, осмысление бытия человека в мире неизбежно носит характер философского вопрошания; в-третьих, философское вопрошание о человеке носит исторический определенный характер, а потому подлежит схватыванию в пространстве истории философии.

Гуманитарная культура XX века знала взлеты и падения. Трагические перипетии последнего столетия обусловили необычайно пристальное внимание к проблеме человеческого бытия со стороны представителей как гуманитарных, так и естественных наук. Потребность объяснить сочетание в человеческой природе чисто рационального и чувственно-телесного компонентов, способность человека в равной мере на подвиг и бесчестие, способность создавать сложнейшие технологические системы и вместе с тем реванш самых архаичных форм культуры требуют непрерывного и напряженного осмысления человеческой природы. Вместе с тем крушение европоцентристской картины мира, распад колониальной системы, утверждение неевропейских культурно-цивилизационных проектов обусловили отказ от универсальной модели человека и поиски новых форм его субъективации. В философии это сравнительно новое движение выразилось в радикальной критике классической модели субъекта и открытии нового пространства вариативной субъективации. Радикальный релятивизм и знаменитые сегодня концепции «смерти человека» и «смерти субъекта» стали лишь самыми явными выражениями философского осмысления глобальной культурной ситуации, получившей название «постмодернизм».

«Состояние постмодерна» или «постмодернизм» – более или менее условные обозначения происходящей в современном мире фатальной переоценки ценностей, на протяжении столетий представлявшихся

неизменными. В центре этой аксиологической революции оказывается само человеческое бытие и науки о человеке как современный (модерный) способ его репрезентации. Поэтому коренное преобразование философского постижения действительности затрагивает прежде всего философскую антропологию как философский проект, начинающийся с модернистским проектом культуры, при завершении которого мы присутствуем.

Такая ситуация требует концептуального рассмотрения эволюции наук о человеке и ее современного этапа. Это предполагает реконструкцию и осмысление истории возникновения и эволюции гуманитарных наук, их места в пространстве философского знания, характера переживаемых ими трансформаций и перспективных линий дальнейшего развития.

Таким образом, актуальность заявленной в диссертационном исследовании проблемы статуса гуманитарного знания связана с внутрифилософскими инновациями, имевшими место в последней четверти XX века и устанавливающими свою экспансию в наши дни. Необходимость решения этой проблемы обусловлена как нуждами сугубо теоретического философского порядка, так и потребностями в историко-философском осмыслении ситуации.

Степень научной разработанности. Вопрос о возникновении и становлении наук о человеке в пространстве философского знания не раз поднимался в многочисленных исследованиях как в России, так и за рубежом. Однако принципиальный вопрос об их статусе затрагивался достаточно редко, прежде всего, в работах Р. Смита и Т. Штурма¹.

Помимо того, в своем исследовании мы опирались на следующие группы работ:

1) Источниковая база диссертационного исследования, включающая трактаты И. Канта, философов Марбургской школы неокантианства и, прежде всего, таких ее представителей, как Э. Кассирер и П. Наторп, а также работы Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Л. Бинсвангера, М. Мерло-Понти, Ж. Лиотара, Ж. Делеза, М. Фуко, В. Декомба и др.²

2) Исследования, посвященные формированию наук о человеке как самостоятельной области философского знания, среди которых, прежде всего, следует отметить труды И.С. Алейник, И.С. Вдовиной, В.Д. Губина, В.В. Ильина, Б.В. Маркова, И.П. Смирнова, Ж.М. Шеффера³.

¹ См.: Смит Р. История гуманитарных наук. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008; Sturm T. Kant und die Wissenschaften vom Menschen. Paderborn: Mentis, 2009; Sturm T. Freedom and the human sciences: Hume's science of man versus Kant's Pragmatic Anthropology // Kant's Yearbook. 2011. № 3. p. 23–42.

² Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 2002; Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Дом интеллект. книги, 1999; Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998; Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997; Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. Введение в экзистенциальную психиатрию. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1999; Лиотар Ж. Феноменология. СПб.: Алетейя, 2001; Декомб В. Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011; Foucault M. Einführung zu „Traum und Existenz von L. Binswanger // Schriften zur Literatur. Hg. von Daniel Defert und François Ewald. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 2007. S. 107–174; Foucault M. Introduction to Kant's Anthropology. Translated by R. Nigro and K. Briggs. Los Angeles: Semiotext(e), 2008 и др.

³ Алейник Р.М. Человек в философском постмодернизме. М.: МиК, 2006; Губин В.Д. Проблема человека в современной философии. М., 1990; Губин В.Д. Смерть – «единственная надежда быть человеком» // Homo

3) Историко-философские исследования, посвященные анализу творчества основных персоналий в истории становления и развития наук о человеке от И. Канта до М. Фуко. Здесь необходимо выделить работы В.Ф. Асмуса, В.В. Библихина, О.А. Власовой, В.И. Гулыги, А.В. Дьякова, И.П. Ильина, А.А. Кравченко, В.В. Летуновского, Н.В. Мотрошиловой, Дж. Нидлмана, К. О'Брайна, Ю.В. Перова, Г. Райла, А.М. Руткевича, К.А. Сергеева, А.Я. Слина, Б. Смита, М.Е. Соболевой, О.И. Ставцева, Т.В. Торубаровой, Б.А. Фохта, А. Хольцхей-Кунц, С.А. Шиловой, Д. Эрибона¹.

4) Работы, рассматривающие основания исторической эпистемологии в целом и истории гуманитарной науки в частности. Здесь выделяются работы Н.С. Автономовой, В.П. Визгина, П. Вена, Б.Г. Соколова, А.С. Колесникова, Л.А. Микешинной, З.А. Сокулер².

Однако специального историко-философского исследования, обращаясь к вопросу об эволюции статусного положения гуманитарных наук в пространстве философского знания, до настоящего времени не предпринималось. Таким образом, степень изученности обозначенной проблемы в российской исследовательской литературе можно оценить как недостаточную. Данная ситуация диктует необходимость проведения историко-философского исследования обозначенной проблематики.

Цели и задачи исследования. Актуальность темы диссертации и состояние ее научной разработанности обуславливает выбор ее объекта и предмета и постановку исследовательских задач.

philosophans. Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Серия «Мыслители», выпуск 12. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 303–311; Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии, 2011. № 2. С. 23–33; Смирнов И. П. Два варианта человековедения // Человек человеку – философ. СПб.: Алетейя, 1999; Шеффер Ж.М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

¹ Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М.: Наука, 1973; Власова О.А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ. История, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010; Власова О.А. Ранний Фуко: до «структуры», «археологии» и «власти» // Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2009; Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010; Дьяков А.В. Проблема субъекта в пост-структуралистской перспективе: Онтологический аспект. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2005; Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: КСП+, СПб.: Ювента, 1999. С. 10–132; Перов Ю.В. Антропологическое измерение в трансцендентальной философии Канта // Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 2002. С. 5–128; Перов Ю.В., Сергеев К.А., Слинин Я.А. Очерки истории классического немецкого идеализма. СПб.: Наука, 2000; Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру. Критический очерк экзистенциального психоанализа. М.: Политиздат, 1985; Соболева М.Е. Философия символических форм Э.Кассирера: Генезис. Основные понятия. Контекст. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001; Торубарова Т.В. О сущности человеческой свободы в немецком классическом идеализме. СПб.: Наука, 1999; Holzhey-Kunz A. Psychopathologie auf philosophischem Grund: Ludwig Binswanger und Jean-Paul Sartre // Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie. Zürich. 2001. №3; O'Brien K. Michel Foucault's Genealogy of the subject. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. Katholieke Universiteit Leuven, 1988; Smyth V. Foucault and Binswanger: Beyond the Dream // Philosophy today. Speg supplement. Depaul University, 2011. P. 92–101.

² Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных. М.: Наука, 1977; Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. (Приложение) – Фуко совершает переворот в истории. М.: Научный мир, 2003; Колесников, А.С. Концептуальные проблемы на границах новейшей философии // Диалог философских культур и становление трансверсальной философии. СПб., 2010. С. 6–26; Визгин В.П. История и метаистория // Вопросы философии, 1998. №10. С. 98–111; Сокулер З.А. Методология гуманитарного познания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко // Философия науки, 1998. Вып. 4. С. 174–182.

Объектом диссертационного исследования выступает комплекс идей ряда мыслителей западноевропейской философской традиции от И. Канта до М. Фуко, обусловивших становление и развитие наук о человеке.

Предметом исследования является статус наук о человеке в философском дискурсе и его эволюция.

Основная цель диссертационной работы: построить комплексную историко-философскую интерпретацию представлений о статусе гуманитарных наук в философском дискурсе от И. Канта до М. Фуко.

Цель исследования раскрывается постановкой и решением следующих задач диссертационной работы:

– реконструировать историко-философский контекст формирования антропологического дискурса как концептуального пространства становления наук о человеке;

– схематизировать основные этапы развития наук о человеке в связи с трансформацией представлений о статусе самой философии и философской антропологии и проследить динамику идейной эволюции дискурса о человеке в посткантианской философии;

– выявить основные концептуальные подходы к решению проблемы человека в истории философии последних двух столетий, обозначив характер проблематизации и процедурные подходы;

– раскрыть необходимый характер связи философского дискурса о человеке с проблемой самообоснования философии;

– определить специфику и фундаментальные основания современного этапа развития наук о человеке;

– обозначить концептуальную завершенность антропологического проекта в программе исторической эпистемологии и «археологии гуманитарных наук».

Методологическая основа диссертационного исследования включает в себя такие базовые регулятивные принципы, как историзм, системность и объективность рассмотрения поставленной проблемы. Сочетание метода реконструкционного анализа источников и философско-компаративистского подхода позволило предпринять панорамный историко-философский анализ становления и развития наук о человеке в их отражении рефлексирующей философской мысли XIX–XX веков. Кроме того, диссертационное исследование опиралось на следующие методы:

– общенаучные принципы и подходы: системный (анализ формирования наук о человеке в контексте философского знания конца XVIII - начала XIX вв.), структурно-функциональный (анализ отдельных значимых для онтологии, гносеологии и философской антропологии концептов и их роли в конституировании статуса наук о человеке в рамках философского знания), историко-проблемный (рассмотрение историко-философского процесса как движимого не личностями, но теми или иными проблемами и характером философской проблематики);

– общелогические методы и приемы исследования, использование которых обеспечило необходимую степень детализации на конкретных этапах исследования;

– общие методы историко-философского исследования: метод контекстуального анализа источников, историко-логическое описание проблемного поля и идейных конструкций, сопоставительный анализ концептуальных конструкций.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что оно является первым систематическим исследованием статуса гуманитарных наук в философском дискурсе XIX–XX веков. В диссертации проанализирован, систематизирован и дополнен ранее имевшийся опыт исследования гуманитарных наук как ключевого элемента в самообосновании философии. Кроме того, диссертационное исследование предлагает оригинальную схематизацию истории наук о человеке в их концептуальном обосновании философским знанием.

Научная новизна исследования раскрывается достижением следующих **результатов:**

– уточнены идейно-концептуальные обстоятельства методического обоснования антропологического проекта;

– установлено, что антропологический проект правомерно вписан в глобальную программу самообоснования философского знания, характерного для конца XVIII – начала XIX веков;

– обоснован тезис о том, что изменение представлений о статусе гуманитарных наук носит закономерный характер и связано с меняющимся представлением философии о собственных основаниях;

– осуществлен системный анализ ключевых идей основных теоретиков антропологического проекта, а также схематизировано магистральное направление развития философской антропологии от И. Канта до М. Фуко;

– выявлены концептуальные механизмы постадийного развития представлений о статусе философской антропологии в истории философии XIX–XX веков;

– обосновано положение о завершающем для антропологического проекта характере эпистемологической дескрипции человека в работах М. Фуко.

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Возникновение наук о человеке связано с кантианским проектом самообоснования философии. Человек при этом расценивается как конститутивный элемент самообоснования философского дискурса, который, в свою очередь, является необходимым средством для рефлексии о человеке.

2. Онтологический ракурс кантианской критической философии становится основанием для развития философской антропологии в феноменологической традиции Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, Dasein-анализе Л. Бинсвангера и археологии гуманитарного знания М. Фуко. Это магистральное направление в развитии антропологического проекта

существует наряду с гносеологическим ракурсом развития кантианства, связанным с именами Э. Кассирера, М. Шелера, Х. Плеснера и др., которые требуют отдельного рассмотрения, опирающегося на отличные исследовательские регулятивы. Предложенная Э. Кассирером модель решения антропологической проблемы при этом может рассматриваться как связующее звено между двумя обозначенными традициями.

3. Переосмысление кантовских априорных форм созерцания в онтологическом ключе позволяет задать новую перспективу антропологическому проекту в XX веке, причем основными вехами его развития становятся онтология М. Хайдеггера и проблематизация экзистенциальных априори Л. Бинсвангера. Если у Э. Гуссерля источником априорных форм выступает сам опыт, то у М. Хайдеггера и Л. Бинсвангера они приобретают экзистенциальный характер, предшествующий всякому опыту.

4. Закономерным этапом в трансформации статуса наук о человеке стал переход от акцентирования экзистенциального характера априори к их историзирующей трактовке, произошедшей в творчестве М. Фуко. Таким образом, эпистемологическая дескрипция человека, предлагаемая М. Фуко, становится третьим, завершающим, этапом в эволюции статуса гуманитарных наук.

5. Эпистемологическая констатация «смерти человека» в фукольдианском дискурсе представляет собой, с одной стороны, констатацию кризиса классической модели человека и необходимость ее деструкции, а с другой, открытие новой перспективы субъективации индивида и формирование нового проекта гуманитарного знания. Тем самым предлагаемая М. Фуко археология гуманитарного знания представляет собой не тотальную деструкцию и тупик антропологического проекта, а его этапное завершение и открытый финал.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что представлена целостная, четко схематизированная картина становления и эволюции антропологического проекта, обретающего свое обоснование в философском дискурсе и служащего его сущностным конститутивным элементом. Выводы диссертации имеют существенное значение для целостного понимания одного из центральных моментов в развитии современной западной философии и могут стать опорой для исследований по сходной проблематике, а также для работ философско-антропологической, гносеологической и культурологической направленности. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в научно-педагогической практике при подготовке лекционных курсов и учебных пособий по историко-философским и общеполитическим разделам.

Апробация результатов исследования. Основные результаты, полученные автором диссертации, отражены в публикациях (в том числе в центральных периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации результатов диссертационных

исследований). Кроме того, выводы и результаты исследования докладывались на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: 27-я конференция по компаративистике «Диалог философских культур: Россия – Восток – Запад» (Санкт-Петербург, ноябрь 2010 г.), 28-я конференция по компаративистике «Ценностные миры в современной философии: компаративный горизонт» (Санкт-Петербург, ноябрь 2011 г.), VI Российский философский конгресс «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (Нижний Новгород, июнь 2012 г.), I Международная молодежная конференция «Российско-германский форум молодых ученых» (Томск, октябрь 2012 г.), Международный молодежный форум «Человек, общество, государство: история и современность» (Курск, апрель 2013 г.).

Материалы диссертации использовались автором при проведении занятий по философии, онтологии и теории познания, истории зарубежной философии, философской антропологии, философской компаративистике на ряде факультетов Курского государственного университета.

Структура диссертации. Диссертационное исследование включает введение, две главы, включающие в себя семь параграфов, заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, дается характеристика степени ее научной разработанности. Определяются объект и предмет, цель и задачи, теоретико-методологические основы исследования. Формулируются научная новизна и положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об источниковой базе исследования, освещается теоретическая и практическая значимость работы, а также формы ее апробации.

Первая глава «Кантовская антропология и рождение наук о человеке: “антропологический сон” и экзистенциальные a priori» посвящена рассмотрению сущности антропологического проекта, концептуальным основанием которого выступает прежде всего кантовская антропология, а ключевыми для становления и дальнейшего развития гуманитарных наук оказываются философия символических форм Э. Кассирера, интерпретация кантианского метафизического вопрошания и фундаментальная онтология М. Хайдеггера, феноменология Э. Гуссерля и экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера.

В первом параграфе «Коперниканский переворот и прагматическая антропология в творчестве И. Канта» кантианская критическая философия рассматривается как идейная база для возникновения антропологического проекта, а его прагматическая антропология трактуется как горизонт гуманитарного знания вообще.

И. Кант, подобно Н. Копернику, совершает настоящий переворот в истории мысли. Он предполагает, что не субъект открывает объективные

законы в познавательном акте, а, скорее, объект подстраивается и становится познаваемым по законам субъекта, то есть предметы соотнобразуются со способами познания в результате работы априорных определений рассудка. Иными словами, само мышление через познание конституирует свои объекты.

Общие способы, по которым мышление согласует и упорядочивает «предметный» материал, И. Кант называет категориями рассудка, выступающими в роли компонентов синтеза рассудка и чувственности. Подобное знание есть знание о том, каким образом мы познаем вещи. Но поскольку, познавая вещи, мы в то же время их обобщаем и структурируем, то это также есть знание об объекте вообще. Такое знание обозначено у И. Канта как «трансцендентальное», – это не всякое априорное знание, но только то, которое показывает, что те или иные представления, понятия или интуиции применяются и могут существовать исключительно *a priori*. Из вышесказанного следует, что мыслящий и чувствующий человек становится основанием априорных синтетических суждений. Именно человека И. Кант считает самым важным предметом в мире. В философии Канта человек в многообразии его измерений представлен как существо познающее, говоря словами самого И. Канта, в совокупности всех высших познавательных способностей. Кроме того, человек – это существо действующее, то есть деятельный субъект в широком смысле. О каком бы субъекте не говорилось, «субъект всегда только человек»¹.

Вариант кантовской «философии человека» явился продолжением, в некотором смысле, даже завершением новоевропейской философской традиции. И. Кант делает непосредственным предметом критической философии исследование возможностей и границ трансцендентальных способностей субъекта, что, полагает он, стало переворотом в истории мысли. Философ понимает субъект как систему трансцендентальных способностей, хотя, разумеется, понятие трансцендентального субъекта не замыкается только на человеке, а человек, в свою очередь, не сводится только к трансцендентальному субъекту. Отметим, что понятием трансцендентальных способностей охватывается только совокупность чистых априорных способностей. В силу того, что предметом исследования становится система чистых познавательных способностей, а их носителем выступает трансцендентальный субъект в смысле «всякого разумного существа», И. Канту удалось в максимальной мере реализовать тенденцию «очищения» разума. Мир дан человеку в априори, но априори и есть человечность. Поэтому субъективизм, в котором обычно обвиняют И. Канта, есть субъективизм, в первую очередь, антропологический. К тому же дополнительную антропологическую окраску придает тот факт, что чистый разум сам своих понятий не создает, а пользуется понятиями рассудка, выходя за характерные для рассудка пределы относительно применимости понятий к возможному опыту. Говоря о возможности метафизики, И. Кант

¹ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 8 т. М.: Издательство «Чоро», 1994. Т. 6. С. 460.

выражает убеждение в том, что изначально потребность в ней присуща только человеку. Он определяет ее как действительно данную в «природной способности человеческого разума», в связи с чем предположительно возможна формулировка лишь «естественных целей», на которые направлена метафизическая способность; предположения здесь уместны, ибо вопрос обращается не к объективному значению метафизических суждений, а затрагивает естественную способность к этим суждениям и, значит, принадлежит уже к антропологии, а не к системе метафизики. В этом смысле антропология предстает как то, что через человека, выявляет работу априорных форм.

Второй параграф «Антропологическая проблема в неокантианстве Э. Кассирера» посвящен анализу неокантианства Э. Кассирера, который изначально в своей философии также исходит из поставленной И. Кантом проблемы «исследования возможностей опыта», однако постепенно его философия превращается в философию культуры и языка. При этом философия символических форм, с одной стороны, является переходным моментом продвижения кантианской мысли в антропологических поисках М. Шелера, Х. Плеснера и др., но с другой, в некотором смысле даже предшествует определенным положениям исторической эпистемологии М. Фуко.

Следуя путем интеллектуализации и десубстанционализации познания, Э. Кассирер все более превращает понятия познавательного акта в функции, объединяющие все многообразие знания посредством установления отношения между его элементами. Помыслить предмет – значит отнести его к отличному от него самого. Познать предмет можно, найдя ряд, в который вписывается данный предмет, и обозначив закономерность принадлежности к этому ряду. А потому мышление представляет собой порядок опосредований. То есть Э. Кассирер в роли посредника в актах мышления вводит понятие «конституирующее-конституируемого» знака-символа. По этой причине объективность научного знания должна рассматриваться в соотношении с субъективностью культуры. Основной принцип критической философии, примат функции над предметом нуждаются в самостоятельном обосновании, принимая новую форму в отдельной области знания. Таким образом, критика разума превращается в критику культуры. Одна из задач критики познания заключается теперь в установлении законов, обеспечивающих разграничение субъективного и объективного миров в теории методами научного мышления. Однако проявление данного различия во всей многогранности содержания возможно лишь при выходе за пределы «специализированного» теоретического познания. Вот почему, наряду с наукой, язык, миф, религия, искусство являются источником материала для построения действительного мира, с одной стороны, и духовного, личностного мира, с другой. Их следует рассматривать как особые функции уникального формирования бытия и его структурирования.

В свете вышесказанного интересно понимание Э. Кассирером человеческой сущности. По мнению мыслителя, человек изначально терзаем

не вещами, но фантазиями и предрассудками, только после этого происходит артикуляция идей и мыслей. Человеческий мир является особенным, в нем содержится отличительная черта именно человеческой жизни. Человек, можно сказать, живет в новом измерении реальности. Он существует не только в физическом, но, что более важно, в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, в которых разворачивается символическая деятельность человека. Весь прогресс в человеческом мышлении и опыте одновременно укрепляет и упраздняет пребывание в мире человека, который уже не соприкасается с физической реальностью, но отдаляется от нее по мере того, как растет его символическая деятельность.

Единство между интеллигибельным и феноменальным обнаруживается и схватывается в символе, который выступает в качестве производящего принципа каждой из форм и культуры в целом. Символ является единственной возможностью нахождения единого в многообразии, он – синтетический источник культуры, способствующий осмысленному действию в мире. При этом «концептуализация» мира происходит в форме науки, выявляющей конституирующие принципы. В этом смысле философия представляет собой самореализацию культуры как таковой, взятая в совокупности, она может трактоваться как «процесс прогрессивного самовысвобождения человека» в языке, искусстве, религии, науке. Таким образом, Э. Кассирер приходит к философской антропологии, раскрывающей символическую функцию как творческо-порождающую в деятельности человека. Мир культуры – не вещный, а личностный мир.

Кассирерова версия кантовской антропологии пролагает путь к формированию той ее версии, которая в творчестве М. Хайдеггера получит название онтики. Кроме того, философия символических форм станет одним из источников вдохновения для фукольдиданской археологии гуманитарного знания. Таким образом, в творчестве Э. Кассирера мы обнаруживаем необходимое связующее звено между кантовской антропологией и поздними эпистемологическими поисками, которые приведут к этапному завершению антропологического проекта во второй половине XIX века.

В третьем параграфе «От антропологии к онтике: хайдеггерианская версия метафизического вопрошания» основное внимание уделяется сущности метафизического вопрошания И. Канта и его хайдеггерианской интерпретации в свете антропологического проекта.

И. Кант в «Логике» утверждает, что основные три вопроса метафизики – «что я могу знать?», «что я должен делать?» и «на что я смею надеяться?» – сводятся к четвертому вопросу о том, «что такое человек?»¹. Сформулировав подобный вопрос, И. Кант показывает изначальную «проблематичность» человека, который представлен теперь не в качестве «объекта», «данности» или «факта», само его существование «проблематично» как для себя, так и для других. А поскольку эти три

¹ Кант И. Логика // Кант И. Соч.: в 8 т. М.: Изд-во «Чоро», 1994. Т. 8. С. 280.

изначальных вопроса определяют человека не как существо природного порядка, но как «гражданина мира», постольку они составляют предмет философии «во всемирно-гражданском плане», то есть область философии как таковой. Но в сущности, как пишет И. Кант, все они могут быть сведены к антропологии, так как первые три вопроса относятся к последнему. Говоря о том, какая именно философия имелась в виду при постановке данных вопросов, можно прийти к выводу, что основное внимание в поздний период было направлено И. Кантом на проблему применения трансцендентальной философии к жизни. По этой причине И. Кант обращается к прагматической антропологии, которая исследует, что человек, будучи свободно действующим существом, «делает или может и должен делать из себя сам»¹. Если при создании трех критик целью И. Канта преимущественно было исследование чистых трансцендентальных способностей субъекта, исходящих из априорных форм и принципов, то со временем акцентируется проблема проявления априорных форм и понятий. Вопрос «что такое человек?» невозможно рассмотреть в рамках чистого мышления, ибо человек, о котором вопрошается, уже находится в мире в роли его обитателя. Поэтому размышляя о человеке, мы одновременно размышляем и о мире. Невозможно вообще мыслить нечто, если при этом не происходит осмысления самого себя как самотождественного субъекта. Знание того, что человек может знать, что он должен делать и на что смеет надеяться, составляет существенное знание о человеке в его возможностях и способностях. Иными словами, сведение вопросов к одному есть сведение к основанию, то есть ответ на вопрос о человеке выступает основанием, предпосылкой и источником для получения ответов на остальные три. Таким образом, антропология как «человековедение» есть в равной степени и мироведение. И. Кант, прежде всего, стремится выяснить, каким образом наше человеческое существо, находясь в материальном мире и подчиняясь законам природы, одновременно с этим демонстрирует свободу деятельности разума. Поэтому четвертый вопрос, не отличаясь от первых трех радикальным образом, возобновляет их постановку. С такого ракурса антропология рассматривается как продолжение и развитие критической философии.

В связи с вышесказанным нельзя оставить без внимания «антропологические» выводы М. Хайдеггера относительно его интерпретации кантианской философии. М. Хайдеггер справедливо отмечает, что в критических рассуждениях И. Канта с самого начала рассматривается именно чистый человеческий разум и никакой другой. Поскольку И. Кант проблематику метафизики существования человека изначально помещает в контекст вопроса «что такое человек?», постольку он задает ее «антропологическое измерение» и даже ставит задачу обоснования в смысле ее сущностного определения. По словам М. Хайдеггера, «кантовское обоснование показывает: обоснование метафизики является вопрошанием о

¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 2002. С. 131.

человеке, то есть антропологией»¹. С позиции самого М. Хайдеггера антропология непригодна для обоснования метафизики, так как она уже исходит из данности человеческого существования, в то время как метафизика своей задачей должна видеть объяснение его возможности. Но его интересует, как вообще возможно вопрошание о человеке в обосновании метафизики и что такого общего есть в этих трех вопросах, что они объединяются в четвертом?

Поиск единого в трех кантовских вопросах о человеке приводит М. Хайдеггера к следующему выводу: все они имеют смысл только в применении к конечному, смертному существу. Конечность, присущая человеческой природе, есть «специфическая конечность человеческой субъективности». Она понимается М. Хайдеггером как решающий пункт в антропологическом обосновании метафизики И. Канта. Человеческий разум оказывается конечным не потому, что ставит эти три вопроса, но, напротив, он ставит эти три вопроса, потому что конечен. В свою очередь, поскольку содержанием этих вопросов является одно, а именно конечность, постольку они могут быть отнесены к четвертому: что есть человек? Проблемой становится то, в каком смысле этот вопрос можно считать вопросом о человеке и может ли он вообще носить антропологический характер.

Если понимать человека, исходя из способа его существования, тогда вопрос о том, что первично по сравнению с ним, не может быть антропологическим. Ведь всякая антропология предполагает человека как человека. Проблема обоснования метафизики лежит в вопросе о способе существования человека, то есть в вопросе о его «сокровенном основании», о мыслимости бытия в качестве сущностной экзистенциальной конечности. Этот вопрос о Dasein спрашивает, какова сущность определяемого таким образом сущего. Поскольку его сущность заключается в экзистенции, постольку вопрос о сущности Dasein экзистенциален. Но любой вопрос о бытии сущего и, тем более, вопрос о бытии конечного сущего является метафизикой. Следовательно, говоря о человеке, мы приходим к философии, ибо человек уже есть бытие. Так что обоснование метафизики зиждется на метафизике Dasein, которая предстает как фундаментальная онтология.

Антропология не обнаруживает в себе возможностей обосновать метафизику, ибо даже с прагматической точки зрения она была и остается эмпирической, а не философской. Антропология, способная к обоснованию, должна быть чистой антропологией. М. Хайдеггер показывает, что у И. Канта трансцендентальным субъектом выступает не всякое разумное и конечное существо вообще, но только человек как субъект, что предполагает антропологическое обоснование способностей этого субъекта. Однако эмпирическая антропология в ее кантовском понимании не способна стать таковым, поэтому три вопроса И. Канта относятся к другой, «философской», антропологии. Но даже никакая «философская антропология», утверждает М. Хайдеггер, не в состоянии обосновать метафизику.

¹ Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / пер. с нем. О.В. Никифорова. М.: Логос, 1997. С.118.

Итог прагматической антропологии относительно назначения человека и его сущностных характеристик выражается в следующем: человек определен своим разумом к тому, чтобы постоянно находиться в общении с людьми и в этом общении посредством искусства и науки повышать свою культуру, цивилизованность и моральность, преодолевая всяческие препятствия, исходящие из грубости его природы. Осуществлению этого назначения человека также призвана помочь прагматическая антропология, которая становится трансцендентальной дисциплиной и эмпирическим знанием, попадая в кантовский треугольник: «критика вопрошает об а priori познавательной деятельности, антропология – об универсальном языке, проблематизируя уже-данность мира, трансцендентальная философия – об отношениях истины и свободы, проблематизируя конечность человеческого существования»¹. Подобным образом складывается проблематика современной философии, в поле исследования которой теперь выделяются три части соответственно: посвященные вопросам об а priori, о происхождении и о фундаментальных основаниях. Согласно М. Фуко, антропология есть та сфера, где такая разделенность и исходящая из нее неопределенность постоянно воспроизводятся. В этом смысле историю философии последних двух столетий можно считать пост-кантовской.

В четвертом параграфе «Проблема а priori и гуманитарных наук в экзистенциальном психоанализе Л. Бинсвангера» анализируется хайдеггерианский уклон в творчестве Л. Бинсвангера, приведший к формированию идейного конструкта, который под влиянием М. Хайдеггера Х. Кунц назвал «продуктивной ошибкой». Л. Бинсвангер переводит проблематику хайдеггеровской онтики в новое русло, акцентируя экзистенциальный характер бытийных переживаний человека. Благодаря этому станет возможным эпистемологический этап этого движения и позднейшая критика «антропологического» сна.

В поисках основания для собственной теории, способной представить человека во всей его целостности, Л. Бинсвангер движется по направлению от кантовства к феноменологии, которая затем под влиянием М. Хайдеггера превращается в экзистенциальный анализ – антропологическое учение о человеческом существовании. Своей целью Л. Бинсвангер видит построение нового философского фундамента для психологической науки и психиатрической практики, способствующего преодолению кризиса современной ему клинической психиатрии. Ведь значение таких понятий, как «нормальность» и «ненормальность», «патология» и «здоровье», зависит скорее от понимания человека в целом, то есть от философского видения, а не специализированного естественнонаучного подхода. Именно поэтому Л. Бинсвангер располагает свой Dasein-анализ между философией и классической психиатрией, что, на его взгляд, позволит рассматривать человека, учитывая всю уникальность его существования и опыта.

¹ Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. С. 385.

С того момента, когда И. Кант подчинил три вопроса метафизики вопросу о том, что есть человек, метафизика уступила место антропологии. Подобное следствие приходит в философскую мысль вместе с превращением человека в субъект, вместе с противопоставлением вещи мыслящей и вещи протяженной, вместе с разрывом между феноменами и ноуменами. Отныне сущее может считаться таковым на основании с тем, в какой мере оно включается в жизнь человека и как с ней соотносится, т.е. переживается и становится переживанием. Сами науки получают гуманитарный характер в том смысле, что постижение мира осуществляется с точки зрения человека. Так, к примеру, Л. Бинсвангер утверждает, прежде чем обратиться к исследованию патологии того или иного индивида, необходимо понять, что значит быть человеком, ведь именно здесь лежит ключ к постижению смыслов существования, пусть и патологических, для конкретного человека. А, стало быть, и психиатрия попадает в поле гуманитарных наук. Л. Бинсвангер предпринимает попытку перенесения фундаментальной онтологии М. Хайдеггера на почву психоаналитической практики, стремясь преодолеть субъект-объектную оппозицию и исследовать целостное существование человека в мире. Л. Бинсвангер не просто развивает положения фундаментальной онтологии, но вводит новое по значению понятие экзистенциально-априорных структур человеческого существования, применив тем самым онтологию М. Хайдеггера к конкретному человеку. Используемое при этом понятие *Dasein* отождествляется с человеческой экзистенцией. По мнению самого М. Хайдеггера, такая интерпретация была не слишком удачной, поскольку понятия его онтологии переносятся на онтический уровень, тем самым, придавая ему характеристики сущего, а это для М. Хайдеггера является неприемлемым. Тем не менее, вслед за Дж. Нидлманом мы можем признать, что экзистенциальные априори Л. Бинсвангера носят метаонтический характер, поскольку описывают не само отдельное сущее, а конкретный способ существования этого сущего.

Кантовский проект антропологии, разворачиваясь в философии символических форм Э. Кассирера, онтологии М. Хайдеггера и феноменально-экзистенциальной психиатрии Л. Бинсвангера, позволяет развернуть дескрипцию человеческого существования в его связи с рассмотрением человека как трансцендентально-эмпирической двойственности и в связи с онтологической фундированностью человека, напряженно переживаемой им самим. Такая трансформация, начинающаяся с коперниканского поворота в творчестве И. Канта и заканчивающаяся феноменологически-экзистенциальными поисками середины XX века, становится фундаментом для последующего развития фукольдианской эпистемологии и проекта археологии гуманитарных знаний.

Во второй главе «Статус гуманитарных наук в творчестве М. Фуко: “смерть человека” и перспективы субъективации» представлена подробная дескрипция основополагающего для судьбы антропологии в последней трети XX века перехода от экзистенциального к историческому пониманию предельных оснований человеческого бытия,

позволяющая вписать творчество М. Фуко в давнюю антропологическую традицию и обозначить современный этап в ее развитии.

В первом параграфе «От экзистенциальных *a priori* к *a priori* историческим» акцентируется внимание на раннем этапе творчества М. Фуко, который представляется нам весьма важным, поскольку показывает, как осуществлялся переход и трансформация экзистенциально-феноменологического содержания мысли французского автора в археологию гуманитарного знания и далее в генеалогию.

Ранняя мысль М. Фуко отмечена влиянием экзистенциально-феноменологической традиции и увлечением психиатрией. Интерес к проблемам психиатрии и психологии, как уже отмечалось, возникает у М. Фуко еще в период его обучения в Эколь Нормаль, примерно в это же время было опубликовано одобренное самим Л. Бинсвангером введение ко «Сну и существованию». М. Фуко указывает, что в своем «Введении» вслед за Л. Бинсвангером хотел бы представить такой анализ, принципы и методы которого задавались бы самим человеческим бытием, а его форма была бы свободной от ограничений философии и психологии. В центре антропологических исследований должен стоять человеческий «факт», понимаемый как реальное содержание существования, а не как объективная составляющая естественного мира. По этим причинам антропология определяется М. Фуко как наука фактов, которая базируется на точном исследовании экзистенции, бытия-в-мире, или *Dasein*. Таким образом, М. Фуко, взяв за основание аналитику существования, рассматривает человеческое бытие в качестве конкретного содержания трансцендентальной структуры *Dasein* и пытается ответить на вопрос о том, можно ли постигнуть человека исходя из формы его существования. Экзистенциальный анализ, на его взгляд, как раз и обращает свое внимание на конкретное существование в его развитии и историческом содержании.

М. Фуко уже на раннем этапе развития своей философии отмечал, что его введение не было простым лишь предисловием, скорее, оно являло собой попытку представить *Dasein*-анализ как радикальное усилие вырвать «немыслимое». Но в целом, конечно, М. Фуко истолковывает этот проект в соответствии с позицией Л. Бинсвангера, то есть как антропологию, или науку о «человеке», где субъективность подходит под эгиду экзистенциальности, понятой в качестве определенного способа существования трансценденции. Через исследование структур индивидуального существования М. Фуко обращается к его онтологическим условиям, что означает способность антропологии объяснить как природу бытия, так и существование. Но уже в начале 1960-х годов М. Фуко станет критиковать всякую антропологию и даже запретит переиздавать свое «Введение» к статье Л. Бинсвангера, та же участь постигнет «Психическую болезнь и личность», – его первую самостоятельную работу.

Через соединение концепта экзистенциально-априорных структур Л. Бинсвангера с понятием выражения М. Мерло-Понти М. Фуко приходит к рассмотрению истории возможного со свойственными ей данными в опыте,

но в тоже время неуловимыми трансцендентно-имманентными историческими априори.

Таким образом, мы видим, что период увлечения экзистенциальным анализом стал для М. Фуко неотъемлемой частью его творчества, повлиявшей на все направление его мысли. Именно через идеи Л. Бинсвангера М. Фуко приходит к осознанию «исторических» и «культурных» истоков болезни. Он совершает переход от поиска внутренних условий возникновения болезни к ее внешним условиям: ведь если субъективность безумного возникает в мире и вместе с этим является отказом от него, не в самом ли мире следует искать скрытую возможность этой субъективности. В это же время М. Фуко дает первый набросок генеалогии безумия, который впоследствии получит свое развитие в «Истории безумия». Кроме того, уже во втором издании «Психической болезни и личности» М. Фуко говорит об исключительной важности вопроса о том, каким образом в нашей культуре возникает момент, позволяющий придавать болезни смысл девиации и наделять больного тем статусом, который ею же исключается. В дальнейшем, уже с высоты своего позднего творчества М. Фуко скажет, что история безумия не воспринималась им в роли способа или средства исследования отношения к безумию в разных культурах и на протяжении длительного времени. Так постепенно формируется историческая концепция М. Фуко, где фундаментальная онтология Dasein уступает место исторической эпистемологии, пространство Сущего заполняется пространством Истории, а на смену экзистенциальным априори приходят априори исторические.

Второй параграф «Эпистемологическая дескрипция человека в работах М. Фуко» посвящен рассмотрению эпистемологического определения человека, а также презентации гуманитарного знания как центрального для современной эпистемы диспозитива.

В понимании М. Фуко историчность человеческого сознания есть глубокая внутренняя характеристика каждой эпохи, которая скрыта от человека и им не осознается. Так М. Фуко окончательно отходит от антропологизма с его субъектом. Традиционная история, по убеждению М. Фуко, основывается на представлении о некоем предзаданном субъекте познания, делающем возможным раскрытие истины. М. Фуко задается целью проследить историческое построение и складывание этого субъекта в истории. Таким образом, историю у него можно трактовать как радикальную критику традиционного представления о субъекте познания.

М. Фуко заявляет, что человек не существовал вплоть до конца XVIII века, человек не осознавался в плане эпистемологическом. До этого времени в классической эпистеме наличествовали линии, не способствующие выделению специфической области человека. Более того, исключалась и всякая возможность наук о человеке, что объясняется пониманием самой «человеческой природы» и характером ее функционирования. Человек вклинивается в общий план представлений, когда представляет их в собственной дискурсии. Классическое мышление перестало быть доступным

нам, когда в представлении прекратилось существование и функционирование «дискурсии» в качестве его первого средства порядка. Окончательное преодоление порога между классической эпохой и современностью обусловлено тем, что слова утратили способность пересекаться с представлениями и распределять познание вещей по клеткам таблицы. Человек возникает в результате эпистемологического перелома в том момент, когда естественная история превращается в биологию, анализ богатств переходит в экономию, размышление о языке становится филологией, а классическая дискурсия и вовсе исчезает вместе с соединенными в ней бытием и представлением. Именно в глубине этого археологического движения появляется человек в его двойственном положении познаваемого объекта и познающего субъекта.

Прагматическая антропология должна стать руководством к жизни человека, но она не является практикой себя. Ведь И. Кант, полагая антропологию в качестве эмпирической науки, призванной продемонстрировать действие априорных принципов в повседневной жизни, тем самым погружает человека в пространство эмпиричности. Так, постепенно человек становится обоснованием всех позитивностей и одновременно присутствует в стихии эмпирических вещей, что стало решающим фактом для определения статуса гуманитарных наук, эпистемологическое пространство которых не дано им заранее.

Очевидно, что гуманитарные науки возникли с появлением человека в западной культуре. Это событие стало результатом общей эпистемологической перестройки, когда, покинув представление, живые существа оказались в глубине жизни, богатства – в развивающихся формах производства, слова – в становлении языков. Гуманитарные науки располагаются рядом с науками о Труде, Жизни и Языке, тем самым занимая область одновременного разграничения и соединения биологии, экономии, филологии и того, позволяет определить возможность их существования в самом человеческом бытии. Однако гуманитарные науки не рассматриваются как продолжение этих форм знания, в связи с чем им свойственна не столько нацеленность на какое-либо определенное содержание, сколько установка чисто формального характера, они находятся в «мета-эпистемологической» позиции и некоторым образом дублируют науки, объектом которых является бытие человека. Гуманитарные науки, таким образом, не рассматривают человека в его природной данности, а стремятся выстроить свое исследование по линии, пролегающей между представлением человека в его позитивности, то есть как живущего, говорящего и трудящегося существа, и тем, благодаря чему он может знать, что есть жизнь, каковы сущность и законы человеческого труда и как вообще возможно говорить.

Из вышесказанного следует, что человек, по сути, не является привилегированным объектом гуманитарных наук, которые создаются не человеком, а общей диспозицией эпистемы. Полагание человека в качестве их объекта также допускается эпистемой. Гуманитарные науки возникают не при постановке вопроса о человеке, но там, где «в некотором присущем

бессознательному измерении» анализируются нормы, правила и значения, раскрывающие сознанию условия своих форм и содержаний. Именно поэтому в проблеме возможности, места, способа существования, а также средств познания и выявления бессознательного М. Фуко видит не просто внутреннюю проблему гуманитарных наук, обладающую случайным характером, но проблему, сопряженную со всем их существованием.

В третьем параграфе «**“Смерть человека” и перспективы его “воскрешения”**: в поисках утраченного субъекта» речь идет о фукольдианском концепте «смерти человека» как основании радикальной критики классической модели человека, открывающей возможность новых перспектив для рассмотрения как самого человека, так и его субъективных практик.

«..Человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»¹ – именно эта завершающая «Слова и вещи» фраза позволила многим упрекнуть М. Фуко в том, что он объявил человека несуществующим, провозгласил если и не отсутствие, то его смерть в настоящее время. Между тем сам М. Фуко отрицал такое понимание своей идеи, а его многочисленные последователи даже рассматривали французского автора как одного из самых значительных философов субъективности XX века. С этим же связано проблематичное восприятие судьбы наук о человеке в дискурсе М. Фуко, которого зачастую слишком поспешно называли «опровергателем» гуманитарных наук. Однако, размышляя о «смерти человека», М. Фуко задается целью проследить историческое построение и складывание субъекта в истории и выступает против человека, сотворенного человеком.

В настоящее время, как отмечает Ж.М. Шеффер, мы имеем дело с исключительным положением человека, которое базируется на предположении, что в силу своей человеческой сущности человек как абсолютно автономный основоположник своего собственного бытия есть «я» или же «субъект». В формировании такого образа человеческой исключительности решающую роль сыграла картезианская философия, где фактически человек определяется как его. Картезианский дуализм, полагая «онтологическую дихотомию» между духом и телом и обозначая «онтический разрыв» между человеком и остальными живыми существами, зиждется на концепции обосновывающего себя через свою собственную несомненность субъекта. А значит, онтологический тезис попадает в зависимость от эпистемологического. И особая заслуга здесь принадлежит И. Канту, согласно которому, нет никакого организованного мира до действия субъекта. Благодаря И. Канту человек вошел в современную науку и философию в качестве эмпирико-трансцендентальной двойственности, которая, в свою очередь, стала основанием для возникновения и развития гуманитарных наук. Будучи помещенными в область представления, они все же не могут быть его наследниками, поскольку вся структура знания уже иная, да и сами гуманитарные науки появились как следствие

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с. фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-cad, 1994. С. 404.

возникновения человека. Но чем больше мы расширяем границы знания о человеке, тем больше мы расширяем пространство представления и вновь погружаемся в философию классического типа. А потому науки о человеке, имеющие своим горизонтом антропологию, заключают в себе момент глубинного непонимания отношения человека к самому себе. Человек появляется в промежутках между фрагментами языка в тот момент, когда язык, прежде помещенный и растворенный внутри представления, вновь обретает свободу. И именно в восхождении языка М. Фуко усматривает конец человека, что, в свою очередь, ведет к «смерти субъекта».

Зачастую в последних работах М. Фуко видят попытку «воскрешения» субъекта. Однако, это далеко не так, ибо французский философ не «убивал» субъект, а показал упадок и несостоятельность классического понимания субъекта в пространстве современной мысли. Поздний М. Фуко занят вопросом о том, какие формы делают возможным свободное поведение морального субъекта, позволяющее ему стать самим собой, избегая заданных стратегий поведения. М. Фуко никоим образом не возвращается к жестко фиксированному картезианскому субъекту, он акцентирует внимание на практиках самоконституирования субъекта. Субъект участвует в процессе конструирования истин не с позиций каких-то дисциплинарных практик, но с точки зрения творческих форм заботы о себе, провозглашая свободную субъективность идеалом интеллектуального действия человека.

Подрыв картезианского субъекта и радикальная программа пробуждения от «антропологического сна» стали не столько ниспровержением, сколько завершением антропологического проекта, начатого поздним творчеством И. Канта. Фукольдианская археология гуманитарного знания является не окончательным подрывом или констатацией тупика, в который зашла философская антропология, но, скорее, расчисткой пространства для выстраивания новых диспозитивов гуманитарного знания. В этом отношении фукольдианский проект представляет собой реализацию ницшеанской программы переоценки ценностей и может быть охарактеризован как нигилистический лишь в этом плане. При всей своей радикальности археология гуманитарного знания представляет собой открытие новой перспективы для наук о человеке, финал которой остается открытым.

В **заключении** подводятся итоги работы, формулируются основные выводы и обозначаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора

*Публикации в периодических научных изданиях, рецензируемых
ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Горчакова С.А. Кант и Кассирер: антропологическая проблема в посткантианстве [Электронный ресурс] / С.А. Горчакова // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета.

Курск, 2012. № 1 (21). Режим доступа: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/023-020.pdf> (240 Кб).

2. Горчакова С.А. Проблема а priori и гуманитарных наук в экзистенциальном психоанализе Л. Бинсвангера / С.А. Горчакова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2013. Т. 13. С. 12–15. (0,4 п.л.)

3. Горчакова С.А. Фукольдиданская эпистемология гуманитарных наук / С.А. Горчакова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. № 1 (Том 2. Философия.). С. 69–77. (0,6 п.л.)

Публикации в других изданиях

4. Горчакова С.А. Проблема а priori в антропологии И. Канта / С.А. Горчакова // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. Курск: Изд-во КГУ, 2010. № 2. С. 37–43. (0,6 п.л.)

5. Горчакова С.А. Экзистенциальная аналитика присутствия Хайдеггера и экзистенциальный анализ Бинсвангера: между философией и психиатрией / С.А. Горчакова // Диалог философских культур: Россия – Восток – Запад: Материалы межвузовской конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011. С. 197–204. (0,6 п.л.)

6. Горчакова С.А. Проблема субъекта и человека у М. Фуко / С.А. Горчакова // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 томах. Т. I. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. С. 34–35. (0,1 п.л.)

7. Горчакова С.А. Статус наук о человеке у М. Фуко / С.А. Горчакова // Ценностные миры в современной философии: компаративный горизонт. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2012. С. 94–106. (0,65 п.л.)

8. Горчакова С.А. Человек как гражданин мира в кантовской антропологии / С.А. Горчакова // Социокультурное пространство современной России: Сборник научных работ студентов, аспирантов и молодых ученых / отв. ред. Е.А. Когай. Курск, 2013. С. 27–32. (0,5 п.л.)

Сдано в набор 24.09.2013 г. Подписано в печать 24.09.2013 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага Снегурочка. Объем 1,0 усл. печ. л.
Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз. Заказ № 1421.

ИД № 06248 от 12.11.2001 г.
Издательство Курского госуниверситета
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Отпечатано: ИП Киселева О.В.
ОГРНИП 304463202600213